УДК 159.9

А. А. Фёдоров [1], **А. И. Васильев** [2]

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: [1] fedleks@yandex.ru; [2] mail8295@gmail.com

ПСИХИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ПРОДОЛЖАЯ БЕСЕДУ

Комментарии С. С. Розовой значительно углубляют дискуссию о психической реальности. Мы пытаемся ответить на некоторые из ее замечаний, придерживаясь точки зрения, что конечным пунктом научного исследования является реальность как таковая.

Ключевые слова: психическая реальность, дополнительность, дуализм, монизм.

Г-н Невежество: Что же, дорогие друзья, я рад тому счастливому обстоятельству, что разговор наш получает продолжение и, что отраднее всего, к нему присоединяются другие люди. Тем более что реплика С. С. Розовой включает в себя не только конструктивную критику изложенных ранее предположений, но и указание на возможный выход из тех затруднительных ситуаций, с которыми мы столкнулись.

Действительно, трудно игнорировать тот факт, что к «глубокой реальности» непосредственного доступа мы не имеем, и нам приходится делать выводы о ней, основываясь на воспоминаниях, сформированных при участии органов восприятия. «Неклассическая» наука старается учесть этот факт, чтобы избежать ряда антиномий, возникающих при слиянии карты и местности, предмета, объекта и субъекта. Вопрос о том, что такое существование, получает ответ: существовать – значит быть идеальным объектом, представленным в сознании познающего субъекта. Несмотря на кажущуюся абсурдность такого предположения, это максимум того, на что, похоже, может рассчитывать человек.

Вместе с тем не все антиномии остаются позади. Главное противоречие, требующее своего разрешения, на мой взгляд, – это то, что мы пользуемся объектно-ориентированным языком, и данное обстоятельство вынуждает нас обращаться с миром и его феноменами так, словно они существуют *на самом деле*. У нас просто нет иного выхода, даже несмотря на то, что мы уже договариваемся не путать непознаваемую местность и ее карту, которую мы держим в руках и можем прочитать: смысл карты именно в том, чтобы ориентироваться по местности, и, хотя можно просто получать эстетическое удовлетворение от ее красоты и целостности, последнее вряд ли заинтересует такого прожженного охотника за приключениями, как *Homo Sapiens*.

Таким образом, как бы мы не пытались абстрагироваться от вопроса о природе реальности как она есть, он вновь и вновь будет вставать перед нами во весь свой рост просто потому, что мы устремляемся в своих мыслях именно к ней, а не к тому, что мы о ней думаем и как ее себе представляем. Судя по некоторым повседневным успехам каждого отдельного человека и отдельным успехам человечества вообще, взаимодействие с реальностью как таковой возможно, и это все же оставляет надежду на то, что мы можем действовать в сфере психологии по крайней мере столь же продуктивно, как в области, скажем, сельского хозяйства. Ведь мы знаем, что где-то в глубокой реальности существуют растения и животные. Они там *на самом деле* есть, и мы кое-что *знаем* об их природе. Благодаря этому мы поддерживаем собственное существование, и мы можем (и должны) знать кое-что и о нашей собственной природе. Похоже, у нас просто нет иного выхода.

Г-н Сомнение: Я благодарен профессору Розовой за столь содержательный и вдох-

© А. А. Фёдоров, А. И. Васильев, 2012

новляющий комментарий к нашей беседе. Пытаясь понять, что скрывается за «психической реальностью» – нечто или ничто, мы с моим товарищем шли извилистыми тропами, и нельзя переоценить важность для нашего пути взгляда со стороны. Позволю и я себе несколько ответных слов.

Хочу сказать, мои друзья, что я нахожу состояние психологии не трагичным, а комичным. Будет ли трагичным исчезновение современной психологии с научной сцены? Думаю, вряд ли. Это не тот герой, о смерти которого стоит жалеть. Любому, кто читал труды ученых, стоявших у истоков психологии, и понял их надежды и чаяния, трудно взирать на большую часть современных психологических исследований без недоумения. Психология нашего времени – лишь тень той науки, которой когда-то прочили трон научного царства.

Стоит ли психологии искать опору в идеалах «неклассической науки», как это советует С. С. Розова? Мне кажется, что это очередной путь в никуда. Допустим, мы согласимся с тем, что истину следует конструировать, а не искать, и признаем, вслед за сторонниками неклассической рациональности, что итоговых конструкций может быть несколько. Но разве не разумно пытаться уточнить, несколько – это сколько? Если любая конструкция будет признана истинной, то теряется сам смысл научного знания. Значит, число таких теоретических моделей не бесконечно, и у нас должны быть критерии для того, чтобы одни модели мы могли назвать истинными или приближающими нас к истине, а другие – отбросить. Таких второстепенных критериев немало, начиная от логической непротиворечивости и заканчивая проверяемостью. Но единственным существенным критерием является соответствие модели той самой глубокой реальности, которая нам *якобы* недоступна. Познание как «соавторство с природой» – прекрасный поэтический образ, но так ли свободен в этом творчестве человек? Какая *теоретическая* модель заставит исчезнуть пятно грязи на джинсах или позволит избежать смерти обнаженному человеку в вакууме? Безусловно, пятно можно удалить, а человека облачить в скафандр, но любое из этих действий подразумевает наличие *предзаданной* реальности. Никто не спорит, что мы часть этой реальности и своими действиями способны ее менять. Предзаданный – не значит неизменный. Но изменить можно только то, что *уже* есть. Мир предшествует нашему знанию о нем; созданию нового предшествует знание старого. Если человек не знает о Марсе, означает ли это, что планета, которую мы так именуем, не существует?

Допустим, мы действительно изучаем не сам мир, а нашу деятельность в нем. Надеюсь, мне позволительно спросить, откуда уверенность в том, что мир существует, т. е. почему мы вообще считаем, что мы *действуем-в-мире*? Возможно, мы не действуем, а лишь представляем, что действуем. Будем смелее: нам дан лишь наш опыт, а изучать нашу «деятельность-в-мире» мы можем не больше, чем изучать сам «мир». На мой взгляд, формула «мы изучаем не мир сам по себе, а человеческую деятельность в нем» может быть развернута только либо как солипсизм, либо как агностицизм. Не могу отказать себе в удовольствии процитировать перевод анонимного лимерика «Про одного философа», сделанный С. Маршаком:

«Мир, – учил он, – мое представление!»
А когда ему в стул под сидение
Сын булавку воткнул,
Он вскричал: «Караул!
Как ужасно мое представление!»
[1969. С. 96]

Я не имею желания уподобиться этому философу, и коль скоро мы ведем беседу, надеюсь, никто из нас не сомневается в реальности своих собеседников. Не имея возможности обсуждать здесь солипсизм и его истинность, я хочу лишь сказать, что, если мы признаем, что действуем в *мире*, почему не признать, что и изучаем мы мир? Я не вижу необходимости во введении дуализма «мир – деятельность». Наша деятельность в мире есть часть этого мира и как его часть является таким же объектом изучения. Следуя неклассической рациональности, изучая деятельность человека, мы, видимо, изучаем деятельность с деятельностью-в-мире? Остановится на краю «дурной бесконечности» мы можем, только признав, что изучаем сам мир. Наша деятельность в мире – инструмент познания мира. Принимая терминологию Сапунова, я, конечно, соглашусь, что предметная реальность не есть реальность объективная. Как подметил господин Невежество, нельзя не признать, что карта и ме-

стность, на ней изображенная, – разные вещи. Но я не могу согласиться с тем, что мы изучаем предметную реальность. На мой взгляд, правильно говорить о том, что мы изучаем объективную реальность, *создавая* реальность предметную, как мы изучаем местность, рисуя ее карту. Но и в том, и в другом случае объектом изучения является сам мир; средство не есть цель. Таким образом, проблема психической реальности для меня заключается не в ее конструировании (это дело не хитрое), а в том, существует ли она. И любая теоретическая конструкция имеет смысл лишь в той степени, в которой приближает нас к познанию глубокой реальности. Еще раз: вопрос не в том, можно ли создать модель души (сколько угодно), а в том, есть ли душа. Равно как проблема единорога не в том, можно ли о нем написать сказку, а в том, существует ли он.

Напоследок коснусь проблемы монизма. Когда я говорил о том, что корпускулярно-волновой дуализм преодолевается в формулировке квантовой теории через интегралы по траекториям, я лишь хотел подчеркнуть, что точная интерпретация явления всегда является *монистической*. В этом смысле я скептически отношусь и к принципу дополнительности Бора. На мой взгляд, апелляция к нему есть не решение проблемы, а бегство от нее. Проясняет ли что-то указание на дополнительность свободной воли и детерминизма или дополнительность физиологии и психологии? Бор, кстати, был не первым, кто пытался рассматривать свободу воли и причинно-следственную трактовку человеческого поведения как дополняющие друг друга. Еще в начале века Гуго Мюнстерберг строил систему, состоящую из двух психологий – каузальной и телеологической. Первая из них объясняет человека как закрытую систему причин и последствий; вторая понимает его как предельно свободное существо. Позволю себе процитировать: «Эти два подхода не исключают друг друга; они *дополняют* друг друга, они поддерживают друг друга, они требуют друг друга» (курсив наш. – *А. Ф., А. В.*) [Münsterberg, 1914. P. 17]. Интересно, что Мюнстерберг рассматривал любое знание, в том числе научное, как конструкцию, выводимую из реальности. В самой реальности, по его мнению, нет ни физических, ни психических объектов, и вообще нет объектов, поскольку сам объект подразумевает трансформацию реальности (т. е. представляет собой конструкт). Вот он, первый истинный поборник неклассической психологии!

Но вернусь к дополнительности. Мне представляется, что дополнительность есть стыдливый дуализм. Из того, что возможны разные научные описания реальности, следует лишь то, что мы пока не можем дать ее точной интерпретации. Там, где такая интерпретация достигнута, необходимость в дополнительности, сиречь дуализме, исчезает. Вот что пишет Марио Бунге: «В конечном счете идея дополнительности, хотя она и представлялась разумной на заре квантовой теории, когда люди мыслили с помощью классических образов, в настоящее время исчерпала свои потенции, которые она, возможно, имела. В настоящее время она стала оправданием неясностей и противоречий» [1975. С. 169].

Критические замечания С. С. Розовой крайне ценны для нашего пути. На многое из того, что она сказала, у нас нет ответа; то, что казалось ясным, сейчас представляется смутным и неопределенным. Похоже, что мы вынуждены продолжить наш путь с еще большими сомнениями и осознанием собственного невежества, что раньше. Но сомнение и невежество не самый плохой исходный пункт: ступив на самое дно, идти можно только вверх.

Список литературы

Бунге М. Философия физики. М.: Прогресс, 1975.

Маршак С. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1969. Т. 4.

Münsterberg H. Psychology, General and Applied. N. Y.: D. Appleton and Co., 1914.

Материал поступил в редколлегию 17.02.2012

A. A. Fedorov, A. I. Vasiliev

PSYCHIC REALITY: CONTINUING THE CONVERSATION

Commentaries of S. S. Rosova considerably extend discussion of psychic reality. We try to answer some of her remarks adhering to the position that ultimate point of scientific research is reality itself.

Keywords: psychic reality, complementarity, dualism, monism.